

FAKE YOU

УРШУЛИЯ РОТЕ

Уршулия Роте

Fake you

«ФТМ»

2020

Роте У.

Fake you / У. Роте — «ФТМ», 2020

Способная на все ради достижения поставленной цели, Виктория Гордон получает должность руководителя Патриотического медиахолдинга – нового орудия кибервойн. Она известна своим лицемерием, хладнокровием и расчетливостью. Но однажды она встречает незнакомца, который заставляет ее задуматься, не поздно ли все изменить и начать жизнь сначала. Однако молодой человек оказывается совсем не тем, за кого себя выдает. Основной замысел романа: показать шизофрению современного общества и отказ замечать окружающий абсурд, за что, в конце концов, приходится расплачиваться.

© Роте У., 2020

© ФТМ, 2020

Содержание

1	6
2	8
3	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Уршулия Роте Fake you

© Текст. Уршулия Роте, 2020
© Агентство ФТМ, Лтд., 2020

* * *

Как часто вы задумываетесь, к чему приводит выбор, который вы отказываетесь совершать?

1

*Умереть суждено каждому, но не каждая смерть имеет
одинаковое значение.*

Мао Цзэдун

Время, отведенное человеку, подобно крупичкам в песочных часах: наблюдение за ними кажется бесконечным и утомительным, но последняя песчинка касается дна гораздо раньше, чем мы успеваем это осознать. Эта мысль давно не дает ей покоя. И чем сильнее она хочет от нее отвернуться, тем параноидальнее она крутится в ее голове. Нет-нет, она боится вовсе не смерти, так, по крайней мере, она убеждает себя. Страх и стыд выворачивают ее душу наизнанку, когда изнутри что-то шепчет: для чего ты пришла в этот мир и кем из него уйдешь? До чего же отвратительный скрипучий голос. Немедленно прекрати, хватит, успокойся! Только не здесь и не сейчас, прошу тебя... Но молоточек безжалостно стучит в висках. Цзинь-цзинь: бездарь, прожигательница жизни. Цзинь: убийца, воровка. Цзинь: потаскуха. Врезаясь тысячами иголок и растекаясь по венам жгучей, невыносимой болью, другая она подает тихий, робкий, но не смолкающий голос.

На нее пристально глядят пара глаз и ствол револьвера. Она хочет проснуться, но это не сон. То ужас реальности, которую она создала собственными руками. Обшарпанные стены и осыпающаяся штукатурка на ее вечернем платье осязаемы ровно так же, как и осознание того, что все происходящее – выдумка и абсурд. Эту игру затеяла не она. Она была лишь пешкой, надеявшейся перебраться на ту сторону доски и стать если не ферзем, то кем-то приличным в этой жизни. Но разыгранный гамбит обернулся против нее. Потеряв все важные фигуры, жертвовать больше нечем. Остается ждать, когда противник сметет с доски жалкие остатки.

– Детка, ты ведь знаешь, я все еще люблю тебя, но доверять тебе я больше не могу, – мужская ладонь гладит ее растрепанные волосы и бережно вытирает размазанную помаду. – Если ты не сделаешь выбор, его сделаю за тебя я. А мой выбор однозначен, ты ведь понимаешь это?

Не спеша он садится на край стола и берет револьвер. Ее ногти против воли вонзаются в кожу, она все еще надеется проснуться.

– Ты правда думала, что и на этот раз тебе удастся отвернуться... Отмолчаться... Спрятаться от принятия решения?

Его вкрадчивый голос пугает ее, но больше всего она боится, как он смотрит на того, кто сидит за столом напротив. В тусклом свете единственной лампы его силуэт едва различим. Его немое присутствие выдает рубиновый блеск стекающих капель из рассеченного кастетом виска. Змеевидные ручейки расползаются по промокшей насквозь рубашке, падают на пол и, кажется, продолжают свое движение, отбирая капля за каплей пространство у душных стен. Его кровь повсюду: на револьвере, на его руках и теперь на ее губах.

– Если бы только человек с рождения понимал, что если не решает он, то решают за него. Если он не противостоит злу, то молча в нем участвует. Многих бы войн просто не случилось, правда, друг мой? – Он оборачивается к тому, чей рот заклеен лентой, руки стянуты наручниками за спиной, но в чьем взгляде по-прежнему читается вызов. Такая дерзость скорее забавляет, чем злит его. Он понимает, что все это – лишь блеск догорающих лампад. – Но парадокс в том, что человек устроен ровно наоборот. Именно поэтому жизнь на земле иррациональна, непредсказуема и полна веселья. Кто не принимает этих правил, остается за ее бортом.

Жалостливо кивая в сторону пленника, он раскручивает барабан револьвера. Ее дрожащее от озноба тело накрывает новая волна конвульсий. Пытаясь совладать с собой, она сжимает в кулак непослушные пальцы.

– Пристрелишь его, как когда-то своего щенка? – слышит она из глубины свой трусливый голосок, играющий в надменность.

Секунды молчания превращаются в вечность. Его лицо обезображено театральностью – тысяча масок, и ни одной настоящей. Она не может разобрать, что он чувствует сейчас. Лишь глаза вопрошают, что еще он успел ей рассказать.

– Всемогуший и ни над чем не властный... – улыбается она в ответ. – Ты так старательно скрывал свое прошлое, что потерял грань настоящего. Ты ведь сам учил: прошлое можно стереть из архивов, убрать свидетелей, но из твоей головы оно не исчезнет. Оно будет точить тебя изнутри, вылезать из каждой щели, напоминая о себе в самый неподходящий момент. Хочешь ты или нет, но это часть тебя, а от себя не скрыться. У меня лишь один вопрос: зачем ты это сделал?

– Все разложила по полочкам, а главного не поняла, – сотрясающий стены смех проникает ей под кожу. Он склоняется к ней, обрамляя ее голову своими огромными ладонями. – Что такое страх? Например, как сейчас, ты боишься меня, но на самом деле тебе боязно потерять то, чем ты так дорожишь. Что такое свобода? Это не обусловленная страхами возможность выбирать. А жизнь? Что есть, по-твоему, жизнь? Непрерывная борьба с самим собой. Превзойти себя, стать выше того, что тебя сдерживает – вот цель нашего пребывания здесь. А что с собой делаешь ты?

Резким движением она вырывается из его рук. Отвращение и ненависть переполняют ее. Она вольна бежать, как делала это прежде, но что-то цепкими оковами удерживает ее на месте.

– Только посмотри, в кого ты превратилась. Воплощение сдержанности и толерантности, любви и понимания, прощения и сострадания, – его лицо искажает презрительная гримаса. – Ты идеальная почва для выращивания ненавистного тобою зла. Терпимость – самый страшный грех, и ты непрерывно ему предаешься.

Она не видит, но слышит, как он взводит курок, решительно направляясь в противоположный конец комнаты.

– Нет-нет, постой... Ведь это не ты... Это не ты говоришь... – из ее груди вырывается беспомощный стон. Стены сужаются, он сводит ее с ума, заставляя забыть, что это она расписала роли. – Вспомни, кто ты есть на самом деле... Кто тот мальчик, кем ты был в детстве?

– Его нет и никогда не было! – неистовый рев заставляет ее содрогнуться.

– Ошибаешься, он перед тобой, – она делает последнюю попытку достучаться до его разума. – От прошлого не скрыться! Взгляни на себя, и ты увидишь его!

Склоняясь над узником, скользящим движением он посылает вдоль стола револьвер. Холодная сталь касается ее ладони.

– Пусть будет по-твоему, но выбора тебе не избежать... Он или я. Рабство или свобода. Принадлежать или владеть. Бежать или преследовать.

Стук молоточка усиливается в ее голове. Сжимая пульсирующие виски, она пытается вспомнить его имя, где она и сколько времени все это длится. Она не хотела ничего плохого. Делать все, что в ее силах, но не выдавать себя. Разве в этом и заключается ее самая большая ошибка? Она пытается ущипнуть себя, но вместо рук... Вместо рук поглощающая пустота. Немой крик сдавливает горло. Кто эта женщина, что стоит в двери? Что она шепчет у них за спиной? В ее глазах плывет и двоится, словно в оконных глазницах после дождя. Эта прическа, платье, сумочка – разве эти вещи не принадлежат ей? По ее лицу стекают слезы и капли пота. Она хочет пошевелиться, но она стоит там... Но как тогда... Кто все это... В ее голове роятся сотни вопросов и ни одного ответа. Ах, если бы только жизнь была подобна песочным часам, которые всегда можно перевернуть и начать сначала.

2

Я военный человек, я сделал то, что сделал, только потому, что моя страна должна была быть спасена от племен и феодализма. Если я потерпел неудачу, то только потому, что меня предали. Так называемый геноцид был не чем иным, как войной в защиту революции и системы, от которой выиграли все.

Менгисту Хайле Мариам

Из омута мыслей ее вырывает резкий толчок, сначала отбрасывающий ее вперед, а затем вжимающий в пассажирское сиденье ремнем безопасности. Не пристегнутая блондинка рядом с ней с треском влетает в водительское сиденье.

– Ты охуел?.. – из необычайно красивого ротика сыплется череда ругательств. – Совсем ослеп? Эй, я тебя спрашиваю! Ты что, дрова везешь? На дорогу смотри, я тебе говорю! Завтра напишу рапорт, и пойдешь себе на Яндекс-такси подрабатывать...

Ее последующий смех свидетельствует об удовлетворенности собственной красноречивостью. Водитель что-то невнятно бормочет в ответ и тычет пальцем на скрывающуюся за горизонтом БМВ-«шестерку», внезапно подрезавшую их гелендваген. При виде этой сцены брюнетка устало закрывает глаза. Следовать правилам не в ее стиле. За исключением всего того, что касается ее собственной безопасности. Переходя дорогу, она оглядывается дважды; открывая дверь собственной квартиры, она прежде проверяет камеру видеонаблюдения. Вот и сейчас, будучи пассажиром на заднем сиденье, она предпочитает быть пристегнутой. Ей действительно есть чего опасаться...

Третий бокал «Моег Шандон» путает мысли в голове, но чувство блаженства никак не наступает. Стараясь не думать о смысле жизни – в последнее время эти никчемные мысли душат каждый ее блаженный вздох, – она вглядывается в заливающуюся хохотом блондинку и с завистью осознает, что многое бы отдала за глупость и бездушие, позволяющие этой идиотке так искренне веселиться. Ульяна Козлова – ее коллега и подруга, как полагает публика.

Уля, как сокращенно называют ее свои, – региональная журналистка без комплексов и намеков на совесть, с переездом в столицу быстро смекнувшая, кто и как здесь делает деньги. Ботоксом и филлерами щедрые папочки слепили из нее копию Анджелины Джоли и пристроили телеведущей утреннего шоу сначала на третьем, а затем и на первом канале. Жизнь почти наладилась и все же не задалась. Квартира внутри Садового с видом на купола, большая машина в теплом паркинге, соболиная шуба до пят, выходные на Лазурке, сотни тысяч подписчиков в инстаграме и многое другое. Но в самом конце этого длинного списка стояла большая и жирная точка, которая вовсе не собиралась разводиться с официальной женой, на нее, как часто водится у влиятельных чиновников, было оформлено все движимое и недвижимое имущество. Таких точек в ее жизни было несколько, но результат всегда один. И вот ей уже чуть за тридцать, и вместе с селективным парфюмом от нее веет потертостью и безнадежной обидой на всех мужчин.

Брюнетка с ужасом узнает в ее ценностях себя. За ее плечами еще один день, прожитый зря. Без какой-либо цели, без осознанности, так бездарно, что не пожелаешь и самому ненавистному врагу. Этот день, как и тысячи других, пролетел так внезапно, что она и заметить не успела, как город накрыло дыханием зимы. С погодой, впрочем как и с политиками, столице всегда не везло. После душного и пропахшего торфяниками лета сентябрь еще не успевал распуститься красками, как через пару недель себя проявлял истинный русский нор. Столбик термометра мгновенно опускался до минуса, а ледяющий ветер гонял по разбитому асфальту стайку скорчившихся от боли и обиды листьев. Никаких тебе опавших каштанов, краснеющей

рябины или белеющих стволов берез – все вырубил и заложил плиткой московские градоначальники.

Выдумкой классиков стала и нарядная скрипучая зима, превратившаяся под гнетом человека в истеричную бабу, то сопливо ревушую, то люто морозящую все и всех вокруг.

Вот и в этот февральский вечер жалкое подобие снежинок бьет в лобовое стекло и тут же скатывается слезливыми ручейками на капот автомобиля. В салоне благоухает новизной и кожей наппа, китайскими ботинками водителя и сободем, накинутым на плечи Ули. Брюнетка содрогается от отвращения. То запах смерти. Маленькие холодные носики когда-то пушистых комочков с бьющимися сердечками были выращены в тесных клетках ради одной цели – удовлетворение эстетических потребностей разумного и все сильного человека. Самого хищного из всех животных. Красиво ли это? Безусловно. Стоит ли это жизни другого? Несомненно. Возможно, даже человеческой, если понадобится.

Подступающее к горлу чувство тошноты она запивает бокалом шампанского и улыбается еще шире. Рассуждать об этом выше ее сил. Она маленький, никчемный человек, который не в силах изменить собственную жизнь. Разве может она что-то изменить в этом мире? Цепляясь за потусторонний звук, она пытается вырваться из пропасти мыслей, затягивающих ее все глубже на дно.

– Эй, милочка, ты слышишь меня? – тербит ее за плечи Уля, заливаясь смехом колокольчика. – Неужели я вижу слезы в твоих глазах?

– Это от счастья, ты ведь знаешь, – подхватывая заданный тон, она раскрывает чуть влажные ресницы.

– Я ведь так рада... Так рада за тебя, словно я сама получила эту должность! – вновь без умолку тараторит Уля. – Поверь мне, я сто раз ему говорила: лучшего кандидата, чем ты, просто не найти! Не понимаю, почему он так долго принимал решение... – в этот момент ее неестественно маленький носик морщится так, что на подтянутом личике выступает винирующая улыбка стоимостью дороже лучшего жемчуга. – Конечно, он строг к тебе, но и ты хороша! Так пренебрегать его вниманием... Любая из нас отдала бы все за его взгляд, прикосновение, а тебе хоть бы хны!

Их усилие открыть вторую бутылку, наконец, торжествует без единой потери для маникюра, но отнюдь не для белоснежного салона автомобиля. Искрящаяся пена щедро льется из горла, лишь отчасти попадая в подставленные бокалы.

– Ну и черт с этими сиденьями! Ты теперь хоть каждый день можешь менять себе служебную тачку, не так ли? – вопрошает коварный голосок брюнетку. Но та, потягивая сладко пьянящий напиток, лишь изредка отвечает снисходительной улыбкой в уголках глаз. – За твое повышение, и чтобы там, наверху, ты не забывала старых друзей!

Звон бокалов сливается с гулом, звенящим в ее голове. Ее – Викторию Гордон – повысили! Повысили до должности руководителя самого крупного рупора пропаганды – Патриотического медиахолдинга – нового будущего журналистики и кибервойн. Душа, проданная дьяволу, получила все, о чем мечтала. Чего теперь она может желать? Но вместо ликования ее пожирает чувство неопределенности. Все случилось слишком внезапно, сумбурно, не по плану... Что еще она может сказать в оправдание неготовности нести терновый венок, который она сама на себя водрузила? Ах, какого черта все эти недовольные мысли крутятся в ее голове! Она самый счастливый человек на свете! Разве что несколько десятков... Сотен... А может, и тысяч... Да какая, к черту, разница, сколько там этих жизней, гниющих на обочине или в тюрьме! Разве может хоть что-то омрачить ее восхождение на трон? Не-е-ет, это вовсе не совесть гложет ее. Ее – как и всех несогласных – она давно и безжалостно задушила. Этим паршивым, несмолкающим чувством является страх пред расплатой за содеянное.

Тающий за окном снег перешептывает журчание радиоприемника, но не может заглушить ее мысли. Она считает уличные фонари и ловит в окне отражение изумрудных глаз и

безмятежной улыбки. Всего несколько уколов ботокса и регулярный прием анксиолитиков сегодня из любого сделают Мону Лизу.

На Садовой-Каретной машина встает в пробке. Радио вещает полночь. Нерадивые рабочие укатывают в асфальт очередной миллиард из госбюджета. За окном зловещий вид на долгострой, словно осьминог, раскинувший свои щупальца над городом. Стройка тянется второй десяток лет и с каждым возведенным блоком напоминает собой то пирамиду Хеопса, то нью-йоркский небоскреб тридцатых, то карикатуру сталинской высотки. Облик здания вызывает страх и недоумение, но, видимо, именно эти чувства и были задуманы автором.

Перед ней любимый город – истерзанный и разграбленный ненасытными начальниками. Но зачем думать о том, что она не в силах изменить? С ней или без нее абсурд будет продолжаться, а значит надо брать от жизни все, что можешь!

– Я приготовила для нас сюрприз, – ее глаза загадочно шуртятся. – Не знаю, что нас ждет, но мы едем туда, где никогда не восходит солнце...

Самодовольно вкушая ананасы и запивая шампанским, Вики наслаждается пошлостью сего момента. Несколько минут взгляд Ульяны растерянно блуждает между водителем и дорогой, в то время как руки машинально отыскивают в сумочке портсигар.

– Ты серьезно? В тот самый клуб, что недавно открыли? Черт возьми, я слышана об их концепции, но платить за вход штуку баксов... – с клубом дыма она выдыхает разочарование. – Но почему? Почему ты такая упрямая? Сколько раз я говорила, что журналистские корочки почти как депутатские...

– Открывают любые двери и бла-бла-бла, – с блаженством в голосе подхватывает Вики. – Конечно, если это правительственные СМИ. Внезапным рывком она припадает к Уле так близко, что ощущает губами напудренную бархатистость ее кожи: – Признайся, неужели тебе никогда не хотелось заплатить за мужика и трахать его до изнеможения?

Какое-то время Уля растерянно вглядывается в собеседницу, терзаясь, что так неестественно светится в ее глазах – свет уличных фонарей или внутреннее безумие. Но та как ни в чем ни бывало продолжает бесстыдно шептать:

– Ведь трахать кого-то и позволять трахать себя – это как обладать чем-то и делать вид, что обладаешь.

– Кажется, твоя любимица Кей Гонда нервно курит в сторонке... – остроумничает блондинка. – Однако ее безумие существует лишь на страницах книги, в то время как ты произносишь это здесь и сейчас. И нет, мне никогда не хотелось заплатить за мужика. Предпочитаю, чтобы трахали меня. Главное – занять удобное положение.

– Бери все и не давай ничего – в этом мы с тобой и похожи! – нервный смех Вики заглушает звон бокалов. Жадно затягиваясь сигаретой из рук Ули, она извлекает из клатча, выполненного Стеллой Маккартни из отменного заменителя кожи, две бархатные повязки цвета лунной ночи. – Если бы ты только знала, как я устала от неотесанных малолеток, жиголов и стриптизеров. Иногда так хочется настоящего, неподдельного чувства... Секс ради денег – самое дешевое и доступное развлечение в наше время. Секс ради удовольствия – ощущение куда более редкое. Идея же клуба как раз и заключается в том, что, оплачивая вход, мы получаем доступ к себе подобным. По крайней мере по социальному статусу. Что, в свою очередь, дает какую-никакую надежду на искренность намерений оппонента.

– Ладно-ладно, убедила! – заливаясь хохотом, Уля выбрасывает окурок на проезжую часть и завязывает глаза себе и Вики. – Но будет забавно, если под одной из масок ты встретишь там Давида. Он был на открытии клуба и делился весьма лестными впечатлениями.

– Не сомневаюсь, что без его участия не открывается ни один бордель в округе... – почти равнодушно замечает она, если не считать испепеляющего взгляда в отражении зеркала заднего вида.

Тем временем за окном автомобиля проплывают одиннадцать хрустальных витиеватых стрел, выпущенных в небо рукой человека. Как недостижимые звезды, на них сверкают золотые таблички самых проворных финансовых воротил. Где еще, как не в этом раю, следовало открыть клуб, в котором, как предполагалось, сливки общества будут предаваться сексуальным утехам?

Идея клуба заключается, прежде всего, в гарантии «без последствий». Чтобы стать его членом, надо обладать не только внушительными суммами на офшорных счетах, но и получить личную рекомендацию от его основателя и владельца лучших развратных заведений в городе – Аркадия Скорикова. Все гости, а также номера, отведенные под утехы, тщательно проверяются на звуко- и видеозаписывающие устройства. Любое разглашение информации с подобного рода вечеринок карается разбитой репутацией и табу на посещение всех сколько-нибудь приличных мероприятий. И хотя предполагается, что участники должны скрывать лицо под масками, те, у кого дело доходит до сближения, впоследствии нередко узнают друг друга на деловых переговорах или светских раутах. Зачастую идя под руку с мужем или женой, что, впрочем, весьма редко мешает им обмениваться многозначительными взглядами.

Автомобиль плавно въезжает в гараж. Транспортный лифт предлагает выбрать путь дальнейшего следования. Водитель нажимает на единственную кнопку, не имеющую названия, но изображающую, по задумке автора, нечто, что поглощает солнце. Лифт бесшумно трогается вниз.

Мысль отметить вакханалией свое недавнее повышение пришла в голову Вики, когда она разбирала стол, заваленный бумагами ее предшественника. Напиться и забыться – лучший способ сбежать от паники и отчаяния, охватывающих ее перед мыслью, что сегодня вечером ей вновь предстоит остаться наедине с собой. Конечно, если не считать двух кошек. Через пять минут она звонила Уле, а через пятнадцать встречала с водителем у ее дома.

Поэтому сейчас на ней надет весьма строгий костюм с завышенной талией и укороченный жакет кораллового цвета. Покачиваясь от количества выпитого, но все еще вполне уверенно для двенадцатисантиметровых каблучков, она шагает по направлению к строгим секьюрити.

– Нас пригласили, – предъявляя чек на дисплее телефона и не дожидаясь ответа, она проскальзывает сквозь парочку качков. С неприступным видом за ней семенил Ульяна. Этот способ – уметь изобразить на лице особое пренебрежение – срабатывал даже в те времена, когда она одевалась исключительно на распродажах и в магазинах Zara. Теперь же, когда ее дневная зарплата приравнивается к той, что охрана на входе зарабатывает за месяц, играть больше нет нужды. Маска и есть ее истинное лицо.

За железной дверью и вельветовой портьерой скрывается клуб в стиле дорого обставленной квартиры. Вместо привычных столиков и барной стойки перед ними предстают комната за комнатой, декорированные бордовой мебелью, антикварными стеллажами, шкурами экзотических животных и современным искусством без особого содержания. Безвкусную идиллию дополняют приглушенный свет и не слишком громкая музыка от модных диджеев.

– Количество пингвинов впечатляет! – провозжая любопытствующим взглядом костюм Tom Ford и экстравагантную маску из павлиньих перьев, самодовольно замечает Уля. – Не так многолюдно, как в обычных заведениях, но, кажется, выбрать будет из чего...

Вики морщится и запивает еще одно разочарование бокалом включенного в счет «Дом Периньон». Пока она вальяжно прогуливается из гостиной в библиотеку, а из библиотеки в сигарную и далее по бесконечному коридору, ей становится все очевиднее, что публика собралась здесь хоть и отборная, но весьма типичная для московских нуворишей. Другими словами, псевдоэлита, разбогатевшая на нефтяных долларах, грабеже собственного населения и откатах, но так и не ставшая ни на йоту ближе к интеллигенции, ненавистной и расстрелянной их прадедами век назад. В ответ американским преппи, поколениями предпочитающим неброс-

кий шик вроде Tommy Hilfiger, Brooks Brothers и Ralph Lauren, наши тоже себе не изменяют, выбирая Louis Vuitton, Gucci и Dolce & Gabbana. И если кто-то наивно полагает, что двухтысячные с их силиконовыми сиськами, губками-уточками и безразмерными логотипами канули в лету, здесь с порога может убедиться в обратном.

«Ну разве не честь для девочки из ниоткуда стать героиней бала-маскарада?» – уговаривает она себя, вальяжно покачивая бедрами в такт музыке. Идеально вышколенный персонал в униформе из домашних тапочек и халатов предусмотрительно не дает опустеть ее бокалу. Так что, изрядно подобрев, она отмечает, что заведение вполне неплохо держит марку. Конечно, если не считать парочки молодых людей, в том числе неопределенного пола, что вполне скромно держатся в сторонке на случай, если кому-нибудь не хватит пары. Не в силах сдержаться про то, как их и здесь наебали, – обещая бескорыстного секса, а на деле подставляя заранее заплаченных пустышек, – она разыскивает глазами Ульяну, но той и след простыл. Похожая на нее блондинка кружит на танцполе в объятиях мужчины средних лет с вполне сносным животиком и на удивление удачной пересадкой волос. Впрочем, за пеленой алкоголя ей становится все труднее различать объекты под масками. Забыться обо всем и предаться вакханалии – ее единственная цель на сегодня! Однако ни один из галстуков, попытавших счастье угостить ее бокалом, не впечатлил ее настолько, чтобы она добровольно дала свое согласие.

Очередную настойчивость проявляет долговязый в маске Арлекина. Бесцеремонно обнимая ее за плечи, он ставит на себе крест.

– Молодой человек, пока я не настолько пьяна, чтобы провести этот вечер в вашей компании. Будьте добры с достоинством принять мой отрицательный ответ, – бросает она леденящим тоном ему в лицо.

– А по-моему, ты слишком высокого мнения о себе, крошка... – над ее ухом скрипит ухмылка и пальцы рук норовят сорваться к ней в декольте. – Уж не думаешь ли ты, что в оперу пришла?

Происходящее вызывает в ней отвращение, и не в последнюю очередь к самой себе. И что она только забыла в этом чулане снобов? А ведь могла бы нанюхаться кокаинчика, вызвать на дом интеллигентного студентика бисексуала из элитных эскорт-услуг и развлекаться всю ночь в свое удовольствие! Но протоптанные дорожки не про нее... Она вечно жаждет чего-то неизведанного. И вот, пожалуйста, над ее затылком висит отравляющий микс из виски и убойных сигар. Еще доля секунды, и бокал полетит ему в лицо, но внезапно долговязый отстраняется. Позади него стоит широкоплечий мужчина без маски.

– Леди не пристало повторять дважды, – его голос звучит непоколебимо, как сталь. – Но если отказ неочевиден, я могу повторить.

– А ты охранник, что ли? – бормочет долговязый, оценивая размеры угрозы и пятясь назад. – Да ну ее, ненормальную...

Глаза цвета теплой лазури сканируют ее от кончиков пальцев до кончиков волос. Нет, он не раздевает ее, как ей, возможно, хотелось бы. Он нагло шарит по закромам ее души.

– Вы так медленно работаете, что сложно понять, откуда у заведения столь высокий прейскурант...

Она пьяна, но отнюдь не настолько, чтобы не различать, что перед ней стоит вовсе не охранник. Но ее принцип строить разговор со сложным собеседником состоит в том, чтобы непременно ударить по его самооценке. Как она полагает, перед ней один из таких редких экземпляров – хладнокровный, уверенный в себе и к тому же наверняка садист.

– Как вам будет угодно, милая леди, – учтиво кланяясь, он делает шаг назад, давая понять, что не намерен отягощать ее вечер своим присутствием.

Вызов принят. Манящей походкой она следует за ним.

– Но где же ваша маска? – как можно равнодушнее интересуется она, жадно поглощая детали его образа.

Оксфорды Church's, брюки из тончайшей итальянской шерсти, закатанные манжеты рубашки, в одной руке перекинутый через плечо пиджак, в другой – стакан с чистым виски. Все это можно назвать скучной джентльменской классикой, если бы не очевидные манеры бунтаря, где учтивость и стать граничат с принципиальной пренебрежительностью к устоям в обществе.

– Мне нечего скрывать, – его спокойный тон только подтверждает ее догадки.

– Неужели? – ее взгляд не отпускает его руки, под напором которых кажется, что стакан разлетится на осколки. Она представляет, как они могли бы ласкать и заставлять подчиняться ее хрупкое тело. – В вашем идеальном образе столько говорящих деталей, не хватает лишь одной, чтобы окончательно определить вашу рыночную котировку... Тик-так.

Его брови удивленно ползут вверх, пока он весь не превращается в лавину смеха.

– Может быть, они говорят за тех, кому больше нечего о себе сказать? Я же предпочитаю, чтобы за меня говорили мои поступки, а часовыми достижениями пускай гордятся их мастера.

Такая самоуверенность заставляет им любоваться. Он говорит не против нее, но против штампов, которые она безуспешно пытается на него повесить.

– Весьма громкое заявление, учитывая, что в округе мне известны все сколько-нибудь приличные финансисты, юристы и нефтяники... – присаживаясь за будуарный столик, она склоняется над ним и шепчет лишь губами: – А вот ваше лицо я и мельком не припомню на страницах даже самых захудалых интернет-газетенков.

– Я в городе недавно, – замечает он добродушно и с некоторой паузой. – Но полагаю, вы еще услышите обо мне.

– Предупреждаю: с женатыми я дел не имею, – скороговоркой произносит она то, с чего обычно начинается вечер с заданной целью.

– Я никогда и не был.

Едва уловимая улыбка скользит в уголках его рта. В ушах громыхают басы, на соседней софе предаются оргии, но между ними все так же висит тишина. Она дает ему минуту, затем две, но ожидаемой кульминации не наступает. Он продолжает испепелять ее выжидающим взглядом даже тогда, когда она допивает последний глоток вина.

– И вы не желаете угостить меня бокалом? – не скрывая раздражения бросает она, словно пощечину, когда в одно мгновение ее запястья оказываются у него в руках.

– А чего бы вы желали на самом деле?

Такая дерзость заставляет ее содрогнуться.

– А если вовсе не вас, а лишь маленькую чашечку эспрессо? – слышит она со стороны свой пылающий шепот.

– Значит, вас интересует только секс...

Не в состоянии разобрать, вопрос это или утверждение, она отвечает, чтобы на большее он и не рассчитывал, и покорно следует за ним. Вместе с приватными комнатами позади остается и ее рассудок. Когда двери лифта закрываются, чувство самосохранения возвращается лишь на долю секунды.

– Куда вы меня ведете?

– Вы боитесь?

В ответ на надменный смех он прижимает ее к стене. Бесцеремонные руки упираются над ее головой. Он пытается ее взглядом и бездействием. Такая высокомерность вызывает в ней протест. Она жаждет оттолкнуть прочь его нахальное лицо, но вместо этого грубо вцепляется в волосы и привлекает к себе. Когда их губы соприкасаются, он первый с жадой проникает в нее. Чувствуя, как в нем растет напряжение, она уже не различает, это все еще поцелуй или что-то более глубокое.

Внезапно он отстраняет ее и грубо сотрясает за плечи. На его лице нет и следа от той страсти, которую она успела себе вообразить.

– Мы возьмем такси и снимем номер подальше отсюда.

Растворяясь в его объятиях, она закрывает глаза. На заднем сиденье автомобиля она вновь ощущает тепло его рук. Все увереннее они опускаются ниже и ниже. С каждым движением он лишает ее частички себя, словно по праву забирая то, что должно принадлежать ему одному. Это новое для нее ощущение невероятно злит и в то же время доставляет ей удовольствие. Теряясь во времени и пространстве, она не помнит, как они оказываются в номере. Впервые она признает, что абсолютно не контролирует ситуацию. Кроме того, ее контролирует кто-то сторонний, кого она не знает вовсе.

– Я пьяна, и вы этим пользуетесь! – она делает попытку отстранить его властные руки, бесстыдно ласкающие ее тело, будто оно его собственность.

– Тебя пьянит надменность, и ты жаждешь, чтобы я сломил ее.

В комнате эхом раздается звон пощечины. Но это лишь раззадоривает его пыл. Одной рукой он заводит прозрачные кисти ей за спину, второй жадно срывает одежду. Она тает в его руках, словно льдинка в объятиях лучей солнца. Земля уходит из-под ног, и она окончательно сдается под его напором. Неторопливо расстегивая рубашку, он бросает ее на кровать. Перед ней предстает тело, изнуренное силой воли и тренировками. От левой руки и до самой груди тянется татуировка в виде бесконечных витиеватых линий. Но во всей этой брутальности есть нечто противоречивое. Что именно, за пеленой шампанского она осознает не сразу. Вглядываясь в рельеф его тела, в сжатые в полоску губы, она ищет его глаза. Их пронизательность и теплота – вот что ломает весь образ...

В одних чулках и кружевном белье она ощущает беспомощность и в то же время безграничную власть. Когда он склоняется над ней, она властно прижимает его к себе. Отвечая повелевающей резкостью, он покрывает ее грудь жадными поцелуями. Его дыхание становится тяжелым и прерывистым. Внутри нее заполняется пустота, а в голове кружится от алкоголя и удовольствия. Она не помнит, где она и с кем она. Она портовая шлюха, бесстыдно жаждущая, чтобы ею обладали. Именно это чувство она так долго стремилась испытать.

3

Все, что я делал, я делал для своей страны.

Пол Потт

Несмолкающий телефон заставляет ее открыть налитые свинцом ресницы. Незнакомая комната, смятая постель, и рядом никого. В голове гудит колокол. С трудом припоминая детали прошлой ночи, она судорожно пытается нащупать на прикроватной тумбочке источник звонка.

– Доброе утро, госпожа... – учтивый голос зависает на долю секунды в вежливой паузе, но этого достаточно, чтобы осознать, что с ней говорит метрдотель и ее имя ему неизвестно. – Вы просили разбудить вас в восемь часов.

– Неужели? – в ее голосе скользит сомнение. – Лично я просила вас об этом?

– Не совсем так, госпожа. Об этом распорядился мужчина, что был с вами в номере.

– Ах да, конечно... – значит, ей не приснилось, она напилась до беспамятства и отдалась первому встречному. – Благодарю за заботу, – как можно сдержаннее отвечает она и незамедлительно кладет трубку. От количества выпитого тело отказывается повиноваться. Дрожащими руками она дотягивается до стакана с водой, услужливо стоящего здесь же, рядом с телефоном. Однако вкус аспирина заставляет ее содрогнуться. Такая забота выходит за рамки всякого приличия, черт бы его побрал! Но, несмотря на гнев и усталость, ей хочется смеяться. Одолевающие ее чувства наслаждения, похоти и стыда кажутся посильнее дорожки чистейшего кокаина.

В комнате вновь раздается звонок. На этот раз ее мобильного телефона. Поиски сумочки среди разбросанных по комнате вещей занимают вечность, пока, наконец, в трубке не раздается извиняющийся писк ее ассистентки.

– Госпожа Гордон, господин Эпштейн не может до вас дозвониться! Он срочно требует с вами встречи!

– По какому вопросу?

Впрочем, о чем это она говорит... Он никогда бы не снизошел до объяснений обслуживающему персоналу причин своего визита. И в этом весь он. Лишь одну поправку следует внести: за службу он принимает всех, кто на него работает, в том числе и ее. Безуважительное отношение для него вовсе не способ кого-то оскорбить или унижить, а лишь естественное продолжение его натуры. Но однажды это приняв, ты подчиняешься его воле окончательно. И что бы она себе ни воображала, она всего лишь один из грязных инструментов по исполнению его желаний, и плату она получает соответствующую.

– Направьте за мной водителя... – разглядывая вид из окна, она пытается найти менее подозрительный объект, чем просто отель или генеральная прокуратура напротив. – И скажите господину Эпштейну, что встречаемся в десять.

– Конечно, госпожа Гордон!

Она отключает телефон и снимает свои трусики с абажура светильника. Незапланированный вечер удался, но день обещает быть еще жарче. Обычно в это время частный самолет ее босса, оформленный на семью друзей дальних родственников, держит курс на местный лазурный берег для невыездных чиновников. Должно было случиться нечто из ряда вон выходящее, если он рвется поработать накануне выходных, размышляет она, повязывая шелковую ленту на рубашке. Взъерошенные волосы, опухшие веки и весь измятый костюм – хуже этой картины в зеркале она еще не видела. Она не может предстать в таком виде перед подчиненными и тем более перед ним. Во что бы то ни стало она должна успеть переодеться и сделать укладку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.